

Грезы

1947 год. В Малом театре (тогда он располагался в нынешнем Детском театре, потому что его собственное здание было разрушено) шел концерт Александра Вертинского, организованный специально для московских актеров и студентов театральных вузов. Зал был набит интеллигенцией. Студенты «Щепки» сидели на галерке. Третьекурснице Адочке не понравилось. Она была комсомолкой, а Вертинский — старый лысый человек — пел о каких-то лиловых неграх и голубых манто. Адочка, ставшая потом актрисой Московской филармонии Адой Михайловной Виноградовой, и подумать не могла, что судьба вновь столкнет ее с Вертинским.

Наталья СКЛЯРОВА

Это она и есть

...Я окончила училище, уехала работать в Белорусскую филармонию. Там познакомилась со своим будущим мужем (он был студентом юридического факультета). Мы поженились. У нас был медовый месяц. Услышала, что в Белоруссию приедет Вертинский. Мне было все равно — ну Вертинский и Вертинский, я его уже видела.

В это время я уже была, без преувеличения, прославленной чтицей Белоруссии. Прославилась прежде всего поэмой Маргариты Агашиной «Мое слово» о том, как русская женщина обращается к женщине-американке, муж которой нарушил границу. Наша обвиняет американку в том, что она хочет войны. Поэма сопровождалась оркестром, имела огромный успех, ее крутили на радио каждые пять минут. У меня было много произведений: о партизанских отрядах и т. д. Тогда все были ужасными патриотами и все это шло на «ура»...

Вертинского поселили в единственной приличной гостинице (все было разрушено). Первое, что он сделал, — устроил скандал. Он вообще был очень капризным человеком. Вызвал администратора филармонии, сказал, что не будет выступать один в таких условиях, требовал дать ему антураж. Ему предлагали певицу, цимбалиста — отменил. Предложили мастера художественного слова. «Что это за жанр?» — спросил он жеманно. Ему объяснили: когда человек читает художественное произведение со сцены. «А зачем?» — спросил он, безразлично морщась. — Я беру книгу и сам все читаю». Ему объясняют, что артистка молода, талантлива, окончила Щепкинское училище и очень у нас ценится. «Н-да? Молода-красива, говорите? Хорошо, я подумаю». И задумчиво так включил радио. Как раз шло мое выступление. «Вот если бы эта была, — ткнул он пальцем в сторону радио, — я бы согласился». — «Так это она и есть?».

А в это время мы с мужем катались на лодке. Приходим — во дворе сидит администратор. Подумай, говорит, что будешь читать на концерте Вертинского. А у меня в репертуаре даже ничего подходящего: ну не рассказывать же про катаевского Гаврика среди этих его «голубых манто»! И я решила, что подойдет рассказ Горького «Хан и его сын»: она, полонянка, предпочла старика молодому, потому что он красиво ее любил, красиво за ней ухаживал.

Вы слушали меня, дитя мое?

Я была в бархатном сценическом платье и широкополой шляпе, мне говорили, что в ней я похожа на драйзеровскую сестру Керри.

Когда я вошла, он небрежно развернулся ко мне вполоборота. Не глядя протянул два пальца: «Вертинский». А я была, знаете ли, этакая комсомолка, для которой не существует никаких авторитетов. Я протянула один палец и сказала: «Виноградова». Так мы и стояли, стыкнувшись пальцами. Смотрю, все окружение Вертинского начинает ржать: никто никогда с ним так не обращался. Он очень удивился, спросил, кто мой учитель. Моим учителем был замечательный Всеволод Николаевич Аксенов — мой Пигмалион, настоящий Учитель. «Этот барин?! — взвизгнул Вертинский, — чему он мог вас научить?!» «Не смейте так говорить о моем учителе», — ответила я. И мы поехали. Я уловила на себе взгляд уже заинтересованного человека. «Вы слушали меня, дитя мое?» — спросил он нараспев, в ожидании, что полюются под фирамбы. Я ответила, что слушала, но ничего не поняла и потому мне не понравилось. Все его окружение опять сотрясало от беззвучного хохота. Надо сказать, они его терпеть не могли: им сильно от него доставало.

Концерт был организован для гарнизонных солдат. Солдаты в эти «голубые манто» тоже «не выезжали». Конечно, было интересно, он каждую песню делал с жестами, как сценку. Они хлопали, но хлопали как-то кратко — как по команде. Кончился первый акт, второй начинала я. Вышла, и в зале раздался рев — совершенно другая реакция. Я начала читать. Вдруг чувствую, что по-дурачки машу руками, как Вертинский: я насмотрелась на него и невольно начала подражать, а получалось жуткое обезьянничество. Но ко-

Он любил ее, а для нее он был глубоко пожилым человеком

гда закончила, меня не отпускали, все хлопали и хлопали, вызывали снова и снова. Думаю, дело было не в хане и его сыне, а в том, что солдатам понравилась молоденькая девушка. Я была в ужасе: мне совсем не хотелось высовываться, концерт-то не мой. И вот тут проявилась необыкновенная черта его характера. Видя мой успех, он весь сиял, толкал меня в спину на сцену: «Идите, идите!» Ни в одном артисте ни до, ни после я не видела такой радости чужому успеху. Потрясающее ощущение отсутствия зависти — я запомнила это на всю жизнь.

На обратном пути мы попали в аварию — помню, как грузовик с пьяным водителем пытался прямо на нас, увязших в песке намертво. Вертинский крикнул тогда необычайно волевым голосом: «Вперед!» — и мы выбрались.

Хочу на Монмартр

Через три часа мы гуляли по улицам. Он начал впервые рассказывать про Париж. Эти рассказы переходили изо дня в день, как праздник с продолжением. Его окружение тысячу раз слышало все эти истории, им уже было неинтересно. А я умела слушать. И он хотел рассказывать. Он спрашивал, куда я хочу «пойти» в этот раз, я говорила: «На Монмартр» — и мы «шли» на Монмартр. Он чудесно рассказывал, добавляя к чисто географическим фактам и своим впечатлениям такие тонкие психологические наблюдения за людьми! Когда потом я приехала в Париж и начала сверять увиденное со своими впечатлениями от его рассказов, то поняла, что рассказы гораздо ярче и удивительнее. «А вы, Адочка, записываете то, что я вам рассказываю?» — спросил он однажды. — «Нет», — «Вы дура». — «Почему?» — «Потому что потом вы сможете продать это за деньги». Так мы «пропутешествовали» месяц.

Он рассказывал про свои поездки в Америку, про свое знакомство с Шалепиным. Он и Шалепин, да простит меня Бог, бродили, как какие-то собаки, около нашей границы, они не могли оторваться от родины. Он с гордостью рассказывал, как Шалепин вдохновенно поднялся и предложил поднять тост за Вертинского. Шалепин говорил: «Я могу почти все. Я знаю, я отлично гримируюсь, я могу быть драматическим актером, могу опереточным. Но я не могу петь так, как Вертинский». На это я нахально сказала: «Вы все выдумали». Он весь затрясся, поблелел и со слезами прокричал: «Клянусь моими доченьками!» Доченок он своих действительно так любил, что поклясться ими много для него значило.

«Неравный брак»

После Борисова он должен был ехать в Могилев, Гомель и Бобруйск. Потом через Оршу проехать в Вильнюс. А я должна была уже в Минск съехать к своему любимому мужу. Вертинский заявил, что если Виноградова не поедет, то он едет прямо в Вильнюс. Все были в шоке, стали просить меня поехать. Я не хотела. Но Витя, мой муж, сказал, что нельзя отказываться от такой поездки. Вечером на другой день мы уже ехали. В Бобруйске пошли в церковь. На нем был клетчатый пиджак, на мне розовое платье и широкополая шляпа. Мы взяли свечки и встали среди остальных. Сзади стояла интеллигентная пожилая пара и пристально смотрела на нас. И вдруг эта дама умильно так говорит: «Посмотри, дорогой, ведь это же Пукирев! «Неравный брак!»». Вертинский схватил меня за руку и пулей вылетел из церкви. Уже через много лет я поняла, что он страшно одинок, несмотря на жену и горячо любимых дочек, — одинок от того, что он стар, но в нем живет молодой человек. Потому он не понимал, как я могла не понимать его песен. В нем жило воспоминание его огромного, шумного успеха. И вдруг Бобруйск, вдруг какая-то девушка, не знающая панорамы его жизни, не может понять его. Он любил меня по-настоящему, я это знала. Но... никаких любовных отношений между нами быть не могло, он понимал, что всегда будет для меня глубоко пожилым человеком. Поняв его одиночество, я стала относиться к нему более человечески. В нем сочетались капризность и великодушье, взбалмошность и огромная самоотдача, иногда очень небрежное отношение к людям и чувство огромного долга перед своим искусством.

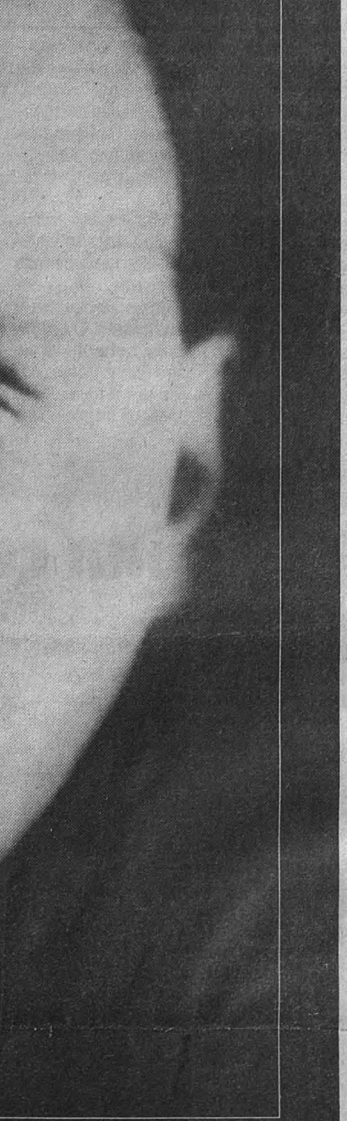
Последний певец

Милой Аде Виноградовой — скучная карточка. Очень усталого человека. А. Вертинский

Ах, разве можно позабыть, что даже нечего и помнить. Мне хочется вас грезами наполнить И попроситься робко к вам в друзья.

Это не его стихи, но все равно было очень мило. Он написал их мне в письме и потом вот на этой фотографии. Всего писем было пятьдесят, сорок восемь я сожгла. «Вы идиотка!» — заорал он, узнав об этом. Я не могла хранить такие письма при живом муже. А он знал, что потом эти письма будут на вес золота.

Мы много говорили об актерах. Одна его фраза запомнилась мне на всю жизнь: «Даже средний русский актер на голову выше всех европейских и американских актеров». Он сказал это с такой убежденностью! Теперь, проведя на сцене много лет, я сравниваю наших и зарубежных актеров и понимаю, как он был прав. Наши актеры недооценены, это ужасно обидно!

Концерт Сарасате

Я расскажу, как он создал одну свою песню. Он приехал со своим импресарио в Кишинев. Обедали в каком-то ресторанчике. Неприятный, горбатый, с колбочими глазами скрипач вышел и стал играть концерт Сарасате. В углу сидела женщина в накинута на плечи потертом дорогом манто. Она смотрела на скрипача не отрываясь, влюбленными глазами. Ее духовное рабство поразило. Она оказалась бывшей известной певицей кабаре. Теперь от былой красоты не осталось и следа. Она ездила за скрипачом повсюду, он бил ее, унижал, заставлял где-то подрабатывать, брал ее деньги... Под влиянием этой истории Вертинский написал свою песню о концерте Сарасате. Песня имела огромный успех.

Ваш любовник скрипач, он седой и горбатый. Он Вас дико ревнует, не любит и бьет. Но когда он играет «Концерт Сарасате», Ваше сердце, как птица, летит и поет.

Прошло около года. Александр Николаевич должен был давать концерт. Зал был полон, но главное — в первом ряду сидели тот самый скрипач и та женщина. Вертинский заметил его. Последнюю песню второго отделения — песню о концерте Сарасате — он пропел, глядя в упор на скрипача. Каждое его слово было пощечиной, весь зал смотрел в первый ряд, скрипач съехался, покрылся красно-белыми пятнами. После концерта он пришел к Вертинскому за кулисы. «Я все понял, — сказал он. — Но зачем же вы так!..» На что Вертинский ответил: «Я всю жизнь воспеваю Женщину. Я последний певец, который воспекает Женщину и Любовь в России. Я не позволю вам так обращаться с женщиной». Через некоторое время я узнала, что скрипач женился на ней.

Наркотики

У него была огромная внутренняя сила. Подтверждений тому — масса. Вот рассказ с его собственных слов. Ему было лет двадцать или года двадцать три, точно не помню. Он жил в районе Пушкинской площади, по-моему, где раньше стояла аптека. На втором этаже. От его окна во двор отходила большая плоская крыша. Она была как стол. В это время он баловался наркотиками, а остатки выбрасывал на крышу. Но весной снег сошел. Он увидел, сколько всего там накопилось. И испугался сам себя. С тех пор он к наркотикам не притрагивался.

Звонить мне неуютно

...Он говорил о жене всегда восторженно. «Понимаете, Адочка, она как... Снежная королева! В ней есть что-то от снега и от хрустала». «Холодное?» — спрашивала я. — «Нет. Не холодное! Но она — как Снежная королева!»

Я видела, как растет Анастасия. Начиная с «Алых парусов» она развивалась очень быстро. Я смотрела с какой-то родственной гордостью, как она набирает актерскую глубину. В ней чувствовались благородность кровей и колоссальный талант. Она могла выступать в разных амплуа, она потрясающая актриса! Но теперь их семья живет как-то обособленно. Может быть, они не хотят делиться памятью об Александре Николаевиче, так она им дорога... Иногда я думала: вдруг Анастасия услышит что-то обо мне (в свое время Виктор Татарский делал передачу о Виноградовой на радио. — Н. С.), поинтересуется, кто я — ведь мы долго общались с ее отцом... Но нет. А самой мне куда-то звонить, что-то расспрашивать, искать — как-то неуютно...